

ЗООМОРФИЗМЫ В ЯЗЫКЕ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ (на материале английского сленга)

The article is dedicated to the problem of the criminal lingo, its distinguishing features and its. Special attention is paid to the analysis of the animal names functioning in the mentioned standard layer of the English language. The author has singled out the possible types of metaphorical transference based on the contrasts of the frames 'man/object' and 'animal'.

Криминальный язык представляет значительный интерес в культурном, социальном и лингвистическом планах. Являясь одной из подсистем функционального языка, лексикон криминального социума оказывает влияние на речевые стандарты, проникая в общеупотребительный язык, в язык средств массовой информации и каждодневного общения населения.

Арго преступного мира представляет собой один из социальных диалектов языка, другими словами, входит в сферу специального сленга наравне с профессиональными и корпоративными жаргонами. Термины *арго* и *жаргон* – французские по происхождению, термин *сленг* – английский. Эти термины часто употребляются как синонимы. Однако многие лингвисты считают необходимым разграничивать выражаемые данными терминами понятия. То, что в английской традиции принято объединять в понятие *специальный сленг*, в российской лингвистике обычно рассматривают как жаргоны и арго. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н.Ярцевой жаргон определяется как «разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой группы, объединяющей людей по признаку профессии (Ж. программистов), положения в обществе (Ж. русского дворянства в XIX в.), интересов (Ж. филателистов) или возраста (молодежный Ж.)» [4. С. 151]. Главным отличием арго от жаргона обычно называют тайный характер арго, который проявляется в сознательном засекречивании речи, чтобы сделать ее непонятной для представителей доминирующей культуры.

В основные способы засекречивания включают:

условное искажение слов, т.е. создание тайного кода (*back slang*, *center slang*);

иноязычные заимствования;

переосмысление лексического материала родного языка, т.е. создание тайной лексики и фразеологии, в том числе с помощью метафорического и метонимического переносов [7. С. 58].

Так, например, кэнт (язык английской криминальной среды) берет начало от условных языков средневековых нищих, бродячих торговцев и преступников. К причинам возникновения и распространения кэнта относят: желание данных слоев населения объединиться против «легального общества», необходимость что-то скрывать от посторонних и появление

криптолалического инстинкта, а также стремление к краткости (стимула наименьшего речевого усилия) и желание придать речи эмоциональную окраску [3. С. 47]. Поэтому в лингвистической литературе укрепилось мнение о том, что арготизмы выполняют прежде всего конспиративную (эзотерическую) функцию и функцию пароля, а затем уже и экспрессивную. Конспиративная функция сводится к засекречиванию информации. Использование арготизмов в среде арготирующих служит паролем для "своих" и "чужих". Для представителей криминальной субкультуры – это сигнал "присоединяйся: свои", для представителей доминирующей субкультуры – "осторожно: опасные чужие".

Однако как бы убедительно ни звучали доводы в пользу тайного характера арготизмов, существует опровергающая данную теорию точка зрения. Еще в 30-е гг. Д.С.Лихачев выступил с аргументами о неправомерности рассматривать воровскую речь как тайную лишь на том основании, что она непонятна [5. С. 51]. Данную точку зрения поддерживает А.Д.Швейцер, который считает, что языковые средства арготизмов не в большей степени засекречены, чем те, которые присущи профессиональным и групповым жаргонам, а также общему сленгу. Кроме того, он указывает на тот факт, что, когда внутренняя форма арготизма не ясна, как правило, "диагностический контекст" всегда помогает раскрыть его значение. «Тот факт, что единицы арготизмов используются в "незакодированном" и в том же уточняющем их смысл контекстуальном окружении, свидетельствует о необоснованности утверждений о конспиративном характере арготических речей» [8. С. 175].

С точки зрения В.И.Беликова и Л.П.Крысина, "секретность" уголовного арготизма весьма относительна, так как те, кто борются с преступниками, обычно владеют арготизмами, а разговор на арготизмах в присутствии жертвы только выдает злоумышленников. Для засекречивания обычно создаются разовые коды, в которых словами общепонятного языка придаются тайные значения, но так чтобы для слушающего речь не казалась странной, а имела обычный смысл. "Скрытность" же языка уголовников чаще нарочитая, показная, рассчитанная в первую очередь на сохранение групповой идентичности, противопоставление "своих" и "не своих" [2. С. 48].

О.И.Щербакова и Е.Т.Бруева говорят о постепенной утрате функцией тайности арготизмов в связи с тем, что при совершении лишь некоторых видов преступлений необходима координация действий в присутствии жертвы (карманные кражи, некоторые виды мошенничества, в том числе шулерские азартные игры) [9. С. 13].

В.В.Химик признает, что искусственный и тайный характер имеют (или имели в прошлом) лишь некоторые арготизмы в речи деклассированных элементов. К ним он относит названия воровских "профессий", отдельные криминальные акции, специальных приспособлений [6. С. 13]. Главными функциями арготизмов лингвист считает коммуникативную и индикативную (идентифицирующую). Специфику коммуникативной функции представляет условный характер номинаций, придуманных для маскировки. Спектр тайных номинаций, по мнению В.В.Химика, довольно узок как по назначению, так и по привлекаемым бытовым реалиям. Исследуя блатную музыку на материалах

русского языка, он приходит к выводу, что лексика криминального жаргона для русского человека достаточно прозрачна [6. С. 22]. Таким образом, В.В.Химик склонен признавать тайный характер аргослов как неглавную, периферийную особенность данного подъязыка.

На наш взгляд, можно говорить о постепенном рассекречивании языка криминальной субкультуры. Если в период становления данного подъязыка арготирующие преследовали цели сохранения тайны, то сегодня, вероятно, следует считать главными удовлетворение потребности арготирующих в экспрессии, а также их стремление к идентификации, вычленению социально и психологически близких – “своих”.

Арго, заимствуя весь грамматический инструментарий и функционируя по законам грамматики общенародного языка, представляет собой особую лексико-фразеологическую систему, в которой проявляется своеобразная картина мира и групповое самосознание носителей данной языковой системы. Поэтому термин *язык* используется в отношении вокабуляра аргослов.

Криминальный язык условно можно представить тремя лексико-фразеологическими подсистемами:

- 1) общеуголовным жаргоном, которым широко пользуются профессионалы-уголовники, обычные преступники, лица, связанные с ними, а также лица, не принадлежащие криминальной среде;
- 2) тюремно-лагерным жаргоном, характерным для мест лишения свободы;
- 3) “профессиональными” жаргонами, представляющими дифференцированные лексические подсистемы в речи воров – карманников, карточных шулеров и других “специалистов” [6. С. 20].

Таким образом, для криминального языка характерна внутренняя социальная дифференциация, хотя в реальности выделенные выше подсистемы трудно разграничить, так как они сосуществуют и дополняют друг друга.

Как отмечают исследователи нестандартной лексики английского языка, к основным способам словообразования здесь относят словосложение, антагонизацию, суффиксацию, постпозитивные образования, аббревиацию [С. С. 75–80]. Многие арготизмы представляют собой метафорически переосмысленные слова общенародного языка. В лексике и фразеологии аргослов существует слой наименований животных (НЖ), которые не совпадают по значению со словами литературного языка (или по-другому, стандарта). Перенос наименований животных на людей, предметы и явления действительности можно объяснить стремлением носителей криминальной субкультуры “анимализировать” некоторые объекты окружающего мира.

В аргослов широко представлены зооморфизмы, обозначающие людей. Особенно популярен перенос НЖ для обозначения “своих” и “чужих”. В первом случае перенос осуществляется на представителей определенной криминальной “профессии”: *badger* ‘a blackmailer’, *coyote* ‘a transporter of illegal goods migrating across the Mexican border’, *crow* ‘a look-out man in a three-card trick’, *hawk* ‘an expert at identifying police officer’, *shark* ‘a gambler who pretends to be less able at cards, pool, etc until the stakes are sufficiently high’, *mule* ‘a drug carrier’. Кроме указания на криминальную деятельность некоторые

зооморфизмы данной группы несут оценку личностных и профессиональных качеств: *bug* 'a criminal totally lacking in feeling', *cat* 'a thief with an iron nerve', *eagle* 'a criminal who works on his own', *animal* 'a strong arm man working for a gambling syndicate' [12].

Мир "чужих" включает представителей органов правопорядка, охраняющих мест заключения, предателей-осведомителей, жертв преступников. Самым популярным зоонимом для обозначения полицейского является распространившийся за пределы аргоса зооним *pig*. Анималистический синонимический ряд, в который входит данный зооморфизм, продолжают слова *grasshopper*, *bull*, *beast*, *beastman*, *dog driver*, а также собирательные существительные со значением 'полиция': *ducks*, *beesmen*, *hawkshc*. Представительниц правоохранительных органов в уголовной среде называют скорее мелиоративно, чем пейоративно: *mama bear*, *kitty kitty*. Для обозначения осведомителей в аргосе используются следующие слова и словосочетания: *mouse canary*, *pig brother*, *rat fink*, *rat snitch*, *stool pigeon*. Интересен тот факт, что в русском аргосе в значении 'доносить' используется слово *крысятничать*, т.е. налицо единое основание для переноса в обоих языках. Работники мест заключения – это *kangaroo*, *cockatoo*, *bull*, *hotplate hamster*. Среди них есть и "свои люди", например, охранник (*horse*), передающий письма и необходимые вещи для заключенных.

Пласт тюремно-лагерного жаргона явно выделяется на фоне всего арготической лексики. Тюрьма (*kitty*), куда попадают по приговору (*bird*, *bitch*) непреклонного судьи (*dog*), наполнена молодыми, вновь прибывшими заключенными (*butterflies*, *fish*, *fresh fish*, *first birds*), закоренелыми преступниками (*hogs*), мафиози, которые содержатся в специальных камерах (*tiger cages*). В русском аргосе под тигрятником понимают камеру в карцере. Всем заключенным (*yard birds*) присваивается определенная категория (*to catted*) согласно порядку, принятому в тюрьмах. Кроме того, в среде заключенных существует свое деление на *june bugs*, *fleas* и др. со строгой иерархией.

Кроме переноса НЖ указанных типов в аргосе отмечается метафорическое обозначение людей согласно этнической и национальной принадлежности (*maggot*, *chuck* 'a white person', *coon*, *animal* 'an Afro-American', *kipper* 'an Englishman', *kangaroo* 'a Jewish person'), особенностям поведения, интеллекта, внешности (*animal* 'a person without any moral codes, a psychopath', *bunny* 'a foolish person', *frog* 'a girl with no morals, she will hop into bed with anyone', *cat* 'a man who is dressed in the latest fashion who pursues women'), некриминального рода занятий (*eagle* 'a winning player in a card game', *shark* 'a money lender', *cat* 'a jazz musician') [12].

Зооморфизмы материала данного исследования указывают на гендерные особенности номинации в аргосе. Криминальный мир – это, в первую очередь, мир мужской. Для обозначения представительниц противоположного пола может быть использован ряд НЖ: *bird* 'a woman', *dog* 'an unattractive woman', *fox*, *mink* 'a sexy woman'. Главным основанием для переноса здесь являются ассоциации по сходству внешнего вида. Особенно показателен приме-

переноса такого НЖ, как *койот (coyote)*, для обозначения внешне непривлекательной женщины. Данный зообраз включает знание о том, что, попав в капкан, койот отгрызает себе ногу. С этим знанием связана принятая в данной субкультуре анекдотичная трактовка, согласно которой мужчине, коснувшемуся рядом с непривлекательной женщиной, лучше отгрызть себе руку, чем разбудить соседку. Часто перенос НЖ эквивалентен обозначению женщины легкого поведения, проститутки (*pony, cat, crow, horse, pussy*), что говорит о сниженном, пейоративном восприятии представительниц женского пола.

Следует согласиться с В.В.Химиком, который утверждает, что для арготизмов характерна отрицательная экспрессия номинаций и понижение статуса номинанта. Наиболее эффективным средством для этого является метафора. Снижающая экспрессия метафоры достигается контрастом фрейма «человеческая личность» и модификатора, извлекаемого из низких сфер [С. 214]. Примером модификатора низкой сферы может, как мы видим, служить анималистическая лексика.

Однако далеко не всегда легко осознать тот образ, который лежит в основе переноса НЖ в арго.

Между предметом, подвергающимся номинации, и животным прямого родства не отмечается, их соединяют довольно сложные ассоциативные связи. В большинстве случаев перенос строится на актуализации одной из потенциальных сем НЖ, которая в переносном значении в арго становится дифференциальной. Например, потенциальная сема «одинокий» у зоонима *орел* становится дифференциальной при обозначении преступника, который работает без помощников. У зоонима *мул* – это сема «перевозить груз», которая актуализируется в зооморфизме, обозначающем в арго наркокурьера. При переносе наименования такого животного, как койот, на организатора перевозок иммигрантов из Латинской Америки, возможно, действует цепочка ассоциаций (койот питается падалью → живет за счет жизни других → живет за чужой беде). При этом в последнем случае надо отметить использование наименования того животного, которое распространено в названной географической зоне. Однако данный факт не следует рассматривать как обязательную закономерность, присущую арго, так как для переноса используются наименования не только привычных для некоторой местности животных, но и имена экзотических (кенгуру, слон, обезьяна) и даже мифических (дракон) животных.

Большинство арготизмов-зооморфизмов образовалось лексико-семантическим способом от общенародных слов, но есть и такие, на образование которых повлияли другие арготизмы либо традиции рифмованного сленга. Так, значение зооморфизма *canary* «a police informer» мотивировано стойчивым арготическим выражением *to sing like a canary* «to confess to a crime or inform on one's colleagues». Зооморфизм *grasshopper* заимствован из рифмованного сленга, где действуют свои правила, прежде всего – следование рифме. Без обращения к рифмованному сленгу остаются неясными и даже абсурдными основания для переносов *kangaroo* «prison tobacco» (*kangaroo*

рифмуется с *chew*), *kangaroo* 'a prison warder', (*kangaroo* рифмуется с *screen* 'a Jewish person' (*kangaroo* рифмуется с *Jew*) [11].

Во многих случаях основания для переноса остаются до конца невыясненными (*gander* 'a quick or surreptitious look', *dog* 'a cigarette', *monkey* 'a large padlock', *badger* 'a blackmailer', *kitty* 'prison'). Возможно, последний пример *kitty* 'prison' можно объяснить, признав его тюркизмом (кит, кеч, кича) [1].

Таким образом, не всегда легко понять образность анималистических метафор в арго, а также основания для переноса НЖ.

Как уже видно из вышеназванных примеров, перенос НЖ на людей в аргоне является единственно возможным. Анимализмы в языке криминальной субкультуры служат и для обозначения предметов неживой природы. К одному из основных переносов данного вида относится использование НЖ для обозначения вещества, а конкретнее наркотиков.

Кроме перечисленных в начале статьи трех лексических подсистем аргона мы условно выделяем еще одну подсистему – “язык” наркоманов и торговцев наркотиками. Сфера деятельности данных представителей социальной криминальна, что служит основанием включать распространенную в их среде лексико-фраzeологическую систему в рамки языка криминального мира.

В языке наркоманов широко представлен перенос НЖ на разные виды наркотиков. При этом, даже не выходя за рамки исследуемой нами анималистической лексики, можно отметить употребление НЖ как синонимов для обозначения какого-то определенного вида наркотиков:

- LSD (*animal, beast, blackbird, Chinese dragons, dinosaurs, golden dragon, Teddy bears, hawk, squirrel*);
- PCP (*animal trunk, animal tranquilizer, busy bee, elephant, elephant tranquilizer, gorilla tab, gorilla biscuits, hog, horse tracks, horse tranquilizer, mad dog, monkey dust, pig killer, wolf, worm, amoeba*);
- heroine (*birdie powder, China cat, dog food, dogie, horse, Mexican horse, racehorse charlie, red chicken, red eagle, spider blue, flea powder, galloping horse, reindeer dust*);
- cocaine (*birdie powder, crow, mosquitoes, racehorse charlie, scorpion, snow birds, snow seals, turkey, white horse, white mosquito, wild cat*);
- amphetamine (*black birds, bumblebees, chicken powder, horse heads, snow seals, turkey*);
- depressant (*blue birds, gorilla pills, green dragons, green frog*);
- marijuana (*owl, shrimp, skunk*) [10].

Кроме перечисленных выше отмечаются переносы и на другие виды наркотиков, но они немногочисленны и не составляют синонимических рядов (*blue fly* – NYC LSD, *cat* – metcathinone, *cat valium* – ketamine). Видимо, данный факт можно объяснить меньшей популярностью этих видов наркотиков в среде наркоманов. Мотивированность переноса НЖ на виды наркотиков весьма условна, что, вероятно, связано со стремлением к герметизации субкультурного носителя подязыка. Можно предположить, что основаниями для переносов служат сходство окраски животного и цвета наркотического вещества (*white*

horse, white mosquito, snow bird, snow seals), а также ассоциативная связь между физической силой того или иного вида животного и силой, эффектом воздействия наркотика (*animal, beast, racehorse charlie, hog, dinosaurs*).

Кроме переноса НЖ на вещество, в исследуемом материале представлена группа слов, входящих в тематическую подгруппу “Денежные единицы”: *monkey* – £500, *gorilla* – \$1000, *cock and hen* – £10, *bullseye* – £50, *pony* – £25, *horse* – \$1000, *cow's calf* – 10 shillings [12]. Об основаниях для переноса можно лишь строить предположения. Возможно, слово *pony* стало обозначать сумму денег в 25 фунтов, так как ранее эта сумма была ценой за небольшую лошадь. Слово *bullseye* в игре в дартс обозначает попадание “в яблочко”, за что играющий получает 50 очков. Поэтому можно предположить заимствование морфизма в арго с последующим переосмыслением его значения. Словосочетание *cock and hen* в рифмованном сленге служит для обозначения числа 10. Очевидно, данный рифмованный сленгизм также был переосмыслен и в результате стал употребляться для номинации 10 фунтов, а также 10 лет тюремного заключения.

НЖ выборки обозначают предметы, необходимые в процессе специфической деятельности криминального социума. Сюда можно отнести наименования предметов, с которыми преступники имеют дело в своей “работе” (*monkey* ‘a large padlock’, *kite* ‘a cheque, originally a worthless bill of exchange’, *hog* ‘a motor car, esp. a Cadillac’, *pony and trap* ‘silver goods’, *dogs* ‘the tumbler on a safe’, *rats* ‘dice’, *mechanical stool pigeon* ‘a walk-through metal detector’), включая названия оружия (*dog* ‘a gun’, *brown fox* ‘a sawn-off gun’, *knucks* ‘the martial arts weapon nunchucks’) [12].

Кроме того, существуют отдельные термины, обозначающие различные вариации, уловки и преступления: *cat-up* ‘a robbery with a gun’, *ram-raid* ‘a smash and grab robbery involving use of stolen high-powered cars or vans which were then driven into the windows of electrical or jewelry shops’, *goat throttling* ‘classical Mafia strangulation technique in which the victim’s hands and feet are bound with a single cord or rope and passed through a noose around the neck’. Сюда следует отнести и криминальные “игры” изобретательных преступников с жертвами. На чувстве жадности построен трюк со счастливой находкой полного денег кошелек на улице (*pigeon drop*). Часто используется западня, в которую попадает мужчина-жертва, когда появляется заставший врасплох трючку “муж” и требует компенсации, которую разделит затем с подставной девушкой, “женой” (*badger game*).

Перенос НЖ осуществляется также для наименования мест, пользующихся популярностью у рассматриваемой субкультуры (*blind pig* ‘an illegal drinking house’, *chicken ranch*, *cat wagon*, *sheep ranch*, *cathouse* ‘a brothel’).

В исследуемом материале отмечаются переносы НЖ на предметы, которые используются всеми, независимо от социального статуса. Слова, которые тематически не ограничены употреблением только в арго, мы называем прагматически не отмеченными. К последним можно отнести названия предметов, используемых в быту (*dog* ‘the telephone’, *dog* ‘a cigarette’, *dogs*, *lippies* ‘shoes’), но их количество незначительно по сравнению с остальными,

прагматически отмеченными единицами (*yard bird* 'chicken served in prison', *kangaroo* 'a prison tobacco', *bullseye* 'a policeman's lamp', *cat* 'the cat-o'-nine-tails the whip used in a prison flogging', *batphone* 'a policeman's mobile telephone').

Типичным, на наш взгляд, является перенос НЖ для обозначения органов и частей тела, физиологических особенностей организма. Этот вид переноса также можно объяснить сниженностью лексического пласта НЖ, а также определенным интересом рассматриваемого социума к физиологическим потребностям. Зооморфизмы типа *brown trout*, *pony*, *cock* и другие представляют собой своего рода "эвфемизмы-кримонимы" по отношению к медицинской терминологии.

НЖ в арго подвергаются транспозиции (переходят из разряда существительных в разряд глаголов) и фразеологизации (входят в состав фразеологизмов). В результате они служат для обозначения определенных действий, которые можно классифицировать как криминальные по оценке доминирующей субкультуры (*to whale* 'to beat badly', *to chase the dragon* 'to sniff heroin', *to keep dog* 'to keep look out in three-card trick and so warn of the arrival of police', *to lamb down* 'to keep a victim drunk and so relieve him of his money'), как предательские по оценке криминальной субкультуры (*to turn dog* 'to inform', *to sing like a canary* 'to confess to a crime or inform on one's colleagues'). Отмечаются также номинации действий и состояний, прагматически не отмеченные использованием только в рамках криминальной субкультуры с их возможным использованием за ее границами (*to talk turkey* 'to speak frankly', *not to give a monkey's* 'not to care', *bunny* 'to talk indiscriminately and foolishly', *to pony up* 'to pay', *to live high off the hog* 'to live well').

Таким образом, проанализировав пласт функционирующих в арго зооморфизмов, укажем на некоторые особенности переноса НЖ в языке криминальной субкультуры. Прежде всего, надо отметить тот факт, что перенос НЖ в арго осуществляется как на людей, так и на неживые предметы окружающего мира. При этом в рамки номинационного процесса включаются в первую очередь, наиболее популярные социокультурные реалии, находящиеся в фокусе внимания криминальной субкультуры. Перенос НЖ направлен на субъекты криминальных действий, их врагов и жертв, на объекты криминальных акций, сами акции, инструменты и средства акций, места пребывания преступников, деньги. Кроме переноса НЖ на реалии криминальной субкультуры отмечаются зооморфизмы с прагматически не отмеченным значением. Однако в целом зооморфизмы арго обслуживают "профессиональные" интересы криминальной субкультуры, отражают приоритеты и социальные установки носителей арго, отношение к женщинам: "своим" и "чужим". При этом анималистической метафоре в арго присуща сниженность, экспрессивность, сложная ассоциативность образности, неожиданность образа сравнения, достигаемая контрастом фрейм- "человек/предмет" и модификатора "животное".

ЛИТЕРАТУРА

- Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М., 1997.
- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001. – 439 с.
- Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. Л., 1985. – 136 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.
- Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.; Л., 1935. №3–4. С. 47–100.
- Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. – 296 с.
- Хомяков В.А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. Вологда, 1971. – 104 с.
- Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983. – 216 с.
- Щербакова О.И., Бруева Е.Т. Социально-корпоративная лексика: Словарь жаргона преступников. Мн., 1994. – 210 с.
- Brocato D. Drug Related Street Terms // www.addictions.org/slang.html
- Denton W. The Dictionary of Gangster Slang // world.std.com/~jimf/biking/slang.html
- Morton J. Gang Slang: a Dictionary of Criminal and Sexual Slang. L.: Virgin Books Ltd, 2002 – 184 p.